

ВОСПОМИНАНИЯ АГНИИ ИВАНОВНЫ ПАНОВОЙ (20 марта 1911г.р.)

Мои родители из села Никольское Рязанской губернии.

Отец Панов Иван Степанович 1884 г.р.

Мать Панова Любовь Алексеевна 1878 г.р.

Папа из крестьян, но получил образование, работал учителем. Мой дед по матери был священником, и после его смерти его место должен был занять зять, мой отец. Папе пришлось продать все имущество и поехать в Москву учиться на священника. Одним из его учителей был Павел Флоренский. Весь мамин род был священнический. Мама была очень красивая, да все не по душе были женихи, вот и вышла замуж в тридцать лет за папу. А у папы был очень хороший характер. Семья была дружная. Я еще помню, с каким восхищением папа рассказывал о Флоренском. В 1913 году после учебы папу направили работать в село Михайловка Мариинского уезда Томской губернии. Там не было церкви. И папа сам строил церковь, покупал всю утварь сам. Помню, приехали туда летом, на пароходе.

Когда случилась революция, в Михайловке стало страшно жить. Сильно донимали партизаны. Мы переехали в с. Колеул в 7 км. от Михайловки. Там была церковь. До 22 года папа там и служил. В 1920 году родилась сестренка Вера. Мы жили на квартире у одной бабушки, снимали комнату. Однажды к нам в дом ворвались партизаны, папа успел выпрыгнуть в окно. На нас с мамой партизаны направили револьверы, страшали и все спрашивали, где отец. Потом они во дворе стреляли, мы думали, что они поймали папу и убили. Утром мы его искали, но не нашли. А папа, как потом, оказалось, переехал в Кую и спрятался. Люди нам сочувствовали, одна крестьянка Кондакова, Филипповной звали, сообщила о местонахождении папы. Папу мы очень любили. Да и все папу любили. Баженов Савелий Васильевич запряг лошадь, наложил пакли, спрятал в нее папу и увез его в Мариинск. Там папа пошел в ГПУ и просил защитить его. ГПУ тогда не предъявляло претензий к папе. А мы жили еще в Колеуле. Лутков (Лудков) возглавлял тогда отряды партизан. Вдруг однажды приходит один из партизан и просит матушку прийти на сходку. Атаман Лудков написал тогда такое письмо: «Батюшка Панов, мы не тронем вас, не бойтесь нас». Вроде бы Лудков за Советскую власть был, но позже и его уничтожили.

Но родители не поверили ему и мы все переехали в Мариинск. Папа стал работать бухгалтером в доме умалишенных. Потом приехал отец Иоанн и стал уговаривать папу, снова служить в церкви. Мама была против, но папа согласился. И стал работать настоятелем кладбищенской церкви. Он был очень деятельный человек. Организовал большой хор. Папа стал протоиереем. В Мариинске у нас никого не было из родных. Все родственники жили в Европе, около Москвы. Они нас звали к себе. Стали мы обсуждать, не поехать ли нам в Европейскую Россию. В 1925 году, в начале марта, мы поехали туда. Но там был страшный голод. В Сибири было сытнее. Папа ходил к епископу и ему предлагали приход, но было так голодно, что мы решили вернуться в Сибирь.

Папа получил приход в с. Камышево, около Белово. В Камышево мы прожили недолго. Школы здесь не было, меня отправили учиться в с. Брюханово, но заработок у папы был столь мал, что содержать меня в другой деревне было не на что. И папа попросил другой приход. Его отправили в Поломошное Кемеровской области. С 1926 по 1929 год папа работал здесь священником. Я училась в Тутальском. Нас задушили налогами. Папа подрабатывал, кому улей сделает, кому стул. Потом церковь закрыли. И объявили в газете, что наш папа от сана отрекся, чего, конечно же, не было. Папа поехал к епископу. Не было ни одного прихода, все позакрывали. Жить стало совершенно не на что. В Поломошном у нас был свой домик и корова. Все продали и поехали в Белово к нашим родственникам. Папа купил лошадку и стал работать коновозчиком. Жили в крошечной комнатке рядом с курами, блохи заедали. Я уже работала секретарем в сельсовете. Зарплата было в 20 рублей, но все же я уже не была на иждивении родителей. Папа был

очень худенький, нелегко ему было загружать и разгружать сани. Потом папа познакомился с директором шахты Бурзанской, и директор взял его к себе бухгалтером в коммунальный отдел. А я в газете прочитала, что в Томске набирают учиться на учителей, и поехала и стала учиться, шел 1930 год.

Помню, как ездила на практику в Межениновку. Почему-то ехали на пароме. И здесь я встретила парня Кашина, поломошинского крестьянина. Он узнал меня и доложил в ГПУ. Меня вызвали в ГПУ. И стали просить меня показывать на людей, которые ну «что-то говорят». Я стала отказываться. А они: «Тогда расстреляем». Я подписалась ничего не разглашать про этот разговор. Вызывали меня несколько раз. Я решила бежать из Томска. Секретарь пединститута выдала мне документы. И я уехала в Кемеровский пединститут.

Но там было не интересно учиться. Вскоре и там узнали, что я дочь священника и меня исключили совсем в 1932 году. Папу тоже раз забрали в ГПУ, мы с мамой всю ночь бегали вокруг: отпустят или не отпустят. Оказалось, что его тоже уговаривали работать «шпионом», стучать на людей. Папа напрочь отказался. Но и на этот раз его еще не забрали. А о. Любомиров, наверное, согласился работать на них, а они его вскоре расстреляли.

Работать меня никуда не брали, учиться не давали. С большим трудом устроилась работать на железную дорогу. Здесь познакомилась с Толстых Григорием Филипповичем. Решила выходить за него замуж, чтоб хоть фамилию сменить. Наши паспорта были почему-то в Новосибирске (он тоже работал на железной дороге). Мы поженились, а брак не успели зарегистрировать. 2 февраля 1938 года папу арестовали и забрали. 4 февраля у нас родилась дочка. Толстых от нас отрекся. Папу забрали из коммуны «Чекист» (где сейчас «почтовый ящик»), он там работал бухгалтером. Маму не забрали, она спряталась. Я тяжело переживала, а Гриша в это время был на курсах шестимесячных в Новосибирске. И дочка родилась преждевременно, семимесячной. В роддом увозили на лошади. Утром под окном мама. О том, что с папой, мне ничего не сказали. Я пролежала в больнице 9 дней. Потом приехал Гриша, дочку даже на руки не взял. Мы переехали с ним в Барнаул. Гриша стал относиться к нам, как чужим. И я ушла от него. Была и стахановкой раньше и прочее, но тут на работу никуда не брали. А у меня на руках ребенок и мама. Работы нет, кормиться нечем. Мама стала ходить, милостыню просить. Начались сплошные горести. После смерти Сталина была возможность обратиться в НКВД. Мы и обратились. Выдали нам реабилитацию, где было написано, что папа умер от сердечной недостаточности в 1943 году. Да так ли это? Выдали нам за него 1500 рублей денег. И все.

О. Николая Федоровича Дрыгина тоже забрали, работал священником в Топках, тоже, наверное, расстреляли. Забрали в 1937 году, возможно, расстреляли в шахте Ивановка.

(Писала со слов А.И.Пановой Фаст Н.П., осень 1990 г.)